

УДК 821.551.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139>

Оригинальная научная статья

Роман Юрия Рытхэу «Остров надежды»: межтекстовый диалог и образная система

А. С. Жулева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация

✉ aszhuleva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена интертекстуальности, этнодиалогу культур и сознаний в художественном представлении героического освоения и обживания неизвестного острова в Северном Ледовитом океане в начале XX века. Роман «Остров надежды» чукотского прозаика Юрия Рытхэу создан на основе дневниковых записей с привлечением этнологического материала в книге «Остров метелей» русского исследователя Арктики Георгия Ушакова. Проявлено осознанное и неосознанное использование различных интертекстуальных форм (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.). Постижению онтологической структуры подвижнического бытия-события жизни героев романа способствовало обращение к феноменологии мира поступка, рассматривавшейся М. Бахтиным в работе «К философии поступка». Высвеченные глубинные истоки образной системы в романе восходят к этнотрадициям и фольклору, а также к мифологическому сознанию, возникшему в древности и трансформировавшемуся в переломное историческое время. Проявлено в ходе исследования, как чукотский писатель-философ Юрий Рытхэу, стремившийся познать глубины духовного мира и формы бытия, судя по богатству его библиотеки, а, главное, по его многочисленным романам о жизни чукотского и эскимосского народов, преодолел сложности аккультурации и языковые преграды, стал своеобразным медиатором мифологического смыслообразования – культурным героем и создателем целого ряда литературных образов культурных героев. Издревле в мифах идеализируются творческая деятельность человека, ответственность за мироустройство как высшее и редкое проявление субъективного самосознания. В основе самосознания заложены противопоставление, внутренняя дихотомия «Я» и «Другой». По мнению М. Горького, человечество, благодаря мифическому культурному герою, получило «идеал в виде посоха», морального «костыля». В романе «Остров надежды» Рытхэу передает функции мифологического персонажа реальным лицам, переходит от архетипической мифологемы к двум социально значимым персонажам. Эскимосский охотник на морского зверя и шаман Иерок, именуемый «умилыком», и «русский улылык», руководитель экспедиции Георгий Ушаков, взяв на себя ответственность за организацию поселения и выживание людей на необитаемом острове, благодаря своим поступкам постепенно приобретают в глазах людей статус культурного героя.

Ключевые слова: Юрий Рытхэу, чукотский роман, эскимосы, мировидение, культурный герой, «Остров надежды», освоение Арктики, Г. Ушаков, интертекстуальность, этнодиалог, истоки образов

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Жулева А. С. Роман Юрия Рытхэу «Остров надежды»: межтекстовый диалог и образная система. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 126–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139

Original article

The novel “Island of Hope” by Yuri Rytkheu: intertextual dialogue and the imagine system

Albina S. Zhuleva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ aszhuleva@mail.ru

Abstract

The article provides intertextuality and the ethnic dialogue between cultures and consciousnesses as presented in the artistic representation of the heroic exploration and habitation of a previously unknown island in the Arctic Ocean at the beginning of the 20th century. The novel “Island of Hope” by the Chukchi writer Yuri Rytkheu is based on diary entries with the use of ethnological material in the book “Island of Snowstorms” by the Russian Arctic explorer Georgy Ushakov. The study reveals both conscious and unconscious deployment of diverse intertextual strategies, including quotations, allusions, reminiscences, etc. An understanding of the ontological structure of the ascetic being-event within the lives of the novel’s characters is facilitated by engaging with the phenomenology of action, as explored by M. Bakhtin in his work “Towards the Philosophy of Act”. The deep origins of the novel’s figurative system are highlighted to ethno-traditions, folklore, as well as to the mythological consciousness that arose in ancient times and transformed during a period of historical time. This work reveals how the Chukchi writer-philosopher Yuri Rytkheu, aiming to explore the depths of the spiritual world and forms of existence, as evidenced by the scope of his library, and more importantly, by his numerous novels about the lives of the Chukchi and Eskimo peoples, having the challenges of acculturation and linguistic barriers. Thus, Rytkheu became a unique mediator of mythological meaning-making – a cultural hero and creator of a variety of literary representations of cultural heroes. Since ancient times, myths have idealized human creative activity and responsibility for the world order as foremost and infrequent expressions of subjective self-awareness. This self-awareness is based on the juxtaposition, the internal dichotomy of “Self” and “Other”. According to Maksim Gorky, humanity owes to the mythical cultural hero an “ideal in the form of a staff”, a moral “crutch”. In “Island of Hope”, Rytkheu transfers the functions of mythological figures to real people, proceeding from an archetypal mythologeme to two socially significant characters. The Eskimo sea hunter and shaman Jerok, called “umilyk” and the expedition leader Georgiy Ushakov, the “Russian umilyk”, who assumes responsibility for organizing the settlement and survival of people on a deserted island, gradually attain the status of cultural heroes through their actions.

Keywords: Yuri Rytkheu, Chukchi novel, Eskimos, worldview, cultural hero, “Island of Hope”, Arctic exploration, Georgy Ushakov, intertextuality, ethnic dialogue, the origins of images

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhuleva A. S. The novel “Island of Hope” by Yuri Rytkheu: intertextual dialogue and the imagine system. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 126–139. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-126-139

Введение

Созданный с опорой на документальный материал дневников руководителя экспедиции с целью организации поселения на острове Врангеля Георгий Алексеевича Ушакова (1901–1963) роман Рытхэу «Остров надежды» адекватно отражает значимое в истории Арктики событие. В книге «Остров метелей» Ушаков рассказал о подлинном заселении в 1926–1929 гг. необитаемого и труднодоступного в то время острова, который был отмечен на карте российским путешественником Ф. Врангелем и внесен в отчет о возглавляемой им экспедиции по северным берегам Сибири и Ледовитому океану в 1920–1924 гг. [1]. Среди первых пятидесяти девяти поселенцев, высадившихся с парохода «Ставрополь» в августе 1926 г., приехавших на необитаемый остров Ледовитого океана, большинство составляли эскимосы из прибрежных селений Чукотского и Берингова морей, один чукотский оленевод и 9 русских, в основном из числа жителей Дальнего Востока и Севера. Двадцатипятилетний член дальневосточного краевого географического общества Георгий Ушаков как руководитель участвовал в подготовке экспедиции и жил с первыми поселенцами в течение трех лет. Позднее он продолжил исследование «нехоженных земель» Арктики, стал известным ученым и автором ряда книг. Подготовку материала о первой экспедиции он вел в течение всей жизни. Книга «Остров метелей» вышла в свет уже после его ухода из жизни в 1972 г.

Юрий Рытхэу в романе «Остров надежды», который вышел в 1987 г., сделал реального покорителя Арктики Ушакова без изменения имени и отчества прототипом главного героя своего произведения, в котором присутствуют в качестве прототипов с изменением и без изменения имени и ряд других реальных участников экспедиции – первых поселенцев острова [2].

Целью проведенного исследования является рассмотрение интертекстуальных связей произведений Ю. Рытхэу и Г. Ушакова, а также национального своеобразия образной системы в романе чукотского прозаика.

Среди основных задач были следующие:

- определить формы интертекстуальности в романе и их смысловую значимость;
- проявить достоверность исторического материала романа и способы привлечения научных исследований об освоении Арктики, документальных материалов;
- раскрыть многогранность художественного концепта «образ» в романе на примерах поступков героев, проявленных в экстремальных условиях;
- в ходе постижения идентичности, анализа специфики национального характера, преемственности этнотрадиций определить значимость и роль основных принципов исторической поэтики, в числе которых означена необходимость учета многомерности человека, его сущности и связей, разнообразия состава общества и форм его бытия.

Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы историко-антропологический и компаративистский подходы, метод аналитико-синтетического чтения.

Являясь актуальным на современном этапе развития литературоведения, историко-антропологический подход не получил должного теоретического обоснования. Он предполагает личностное эмоционально окрашенное восприятие прошлого, обращение к человеку, его месту в истории, изучение опыта незаурядных и влиятельных личностей, понимание бытования жизни людей. Благодаря применению этого метода удалось проявить отраженные в романе различные аспекты мировосприятия и постичь специфику поведения представителей русского, чукотского и эскимосского народов в экстремальных условиях.

В процессе аналитико-синтетического чтения были обозначены формы присутствующей интертекстуальности, раскрывающие замысел автора.

Компаративистский подход, примененный при сопоставлении характеров героев, позволил высветить общее и особенное (этническое) в их проявлении, а также приблизиться к пониманию истоков поступка.

Интертекстуальность и становление образной системы в чукотском романе

Изначально было отмечено, что выстраивание некоего справедливого сообщества-поселения на острове было непростым, сопряженным в первую очередь с борьбой за выживание в необычайно суровых природных условиях, сложных даже для коренных жителей прибрежных селений, для которых, например, было психологически затруднено понимание длительной полярной ночи – стодневного отсутствия солнца, отсутствие морозов лишь 20–25 дней. В не меньшей, а можно сказать в большей степени затрудняло отсутствие взаимопонимания, вызванного напряжением при общении незнакомых людей, владеющих разными языками и традициями, отличающимися мировидением.

Своеобразна ситуация создания самого романа [2]: чукотский писатель пишет на русском языке о создании поселения эскимосов, не владевших русским языком, под руководством русского управляющего факторией, опираясь на материалы описанной им экспедиции в «Острове метелей». Вызывает высокую оценку уровень творческой энергии и интуиции Юрия Рытхэу, начинавшего писать на чукотском языке и переводившего русских классиков на чукотский, участвовавшего в создании учебных книг на чукотском языке и овладевшего русским языком сначала во время учебы в школе, позднее – в Ленинградском госуниверситете и написавшего до этого романа ряд произведений на русском языке, в том числе и об эскимосах. Жизнь и судьба народа-соседа, к языку и обычаям которого Рытхэу приобщился с детских лет, нашли отражение в его творчестве с раннего периода и присутствовали в течение всей жизни. В 1963 г. вышла повесть «Нунивак» о судьбе двух братьев с разных берегов Берингова пролива (российского и американского). Затронуты и проблемы, связанные с переселением эскимосов села Наукан (в повести оно носит название Нунивак), располагавшегося в жилищах, выдолбленных в скалах. После значительного перерыва появилось произведение с обозначенным автором жанром «Ирвытыр или Повесть-путешествие по времени и пространству Берингова пролива» [3] (напечатана впервые в журнале «Нева», № 5 за 1980 г. с. 43–109). Позднее вышла повесть, посвященная эскимосскому певцу и танцору, «культурному герою» эскимосов Нутетеину, «Полярный круг», а спустя еще два года – роман «Остров надежды». За ней последовал роман-предсказание из жизни эскимосов о фантастических формах связи двух берегов «Интерконтинентальный мост», который появился в 1989 г. Материалы проведенного ранее исследования отдельных аспектов некоторых из названных выше произведений чукотского писателя об эскимосах изложены в книге «Три мира народов Севера» [4, с. 127–163] и в статьях ряда научных журналов. В них присутствуют и убедительные свидетельства знания Рытхэу языка и фольклора, традиций и обычаев как своего, так и эскимосского народов, отмечено искреннее проявление как гордости от достижений и успехов, близкого по языку, а также по некоторым традициям и верованиям народа-соседа, так и тревоги за его будущее.

Не вступая в многочисленные споры литературоведов и лингвистов об определении (уточнении) термина «интертекстуальность», введенного Ю. Кристевой с ее ссылкой на Ю. Тынянова о трансформации в литературных произведениях предшествующих текстов, а также на М. Бахтина [5], размышлявшего о «межтекстовом диалоге», точнее – о диалоге сознаний через призму «забытых смыслов», остановимся на двух формах интертекстуальности – цитате и реминисценции, многозначно присутствующих в романе «Остров надежды».

Цитату как форму интертекстуальности некоторые исследователи называют внешней, а реминисценцию относят к числу внутренних разновидностей.

В тексте Рытхэу присутствует несколько значительных по размеру цитат со ссылкой на книгу Ушакова «Остров метелей». Первая из них является частью документа-заявления молодого энтузиаста – прототипа главного героя романа, в котором тот обосновывает свое жизненно важное решение отправиться на нехоженую землю арктического острова с целью принять участие в решении экономических и политических задач, важных для страны. Таким образом, автор определяет своеобразие характера будущего героя, его уверенность и даже самоуверенность в собственных силах и возможностях, поскольку двадцатипятилетний герой никогда не имел опыта жизни в условиях Полярного Севера. Выбранная автором цитата многозначна: с ее помощью Рытхэу, с одной стороны, подчеркнул документальность, реальность описываемых в романе событий, а с другой – повысил интерес читателя к нему, точнее к судьбе героя, к его характеру и способностям, позволившим, одолев порой экстремальные сложности, справиться с грандиозной задачей.

Во второй главе цитату-выдержку из документа писатель дополняет другой, не менее объемной, содержащей отрывок из дневниковой записи прототипа героя Ушакова, в которой тот, забирая на «Ставрополь» уже в Петропавловске (плавание началось во Владивостоке) необходимые для поселения палатки, выражает эмоции по поводу присоединения к экспедиции лучшего охотника Камчатки со своей семьей. Он как бы подводит итоги своей многотрудной с большим количеством препятствий и преодолений работы по организации и подготовке экспедиции. Обозначены твердость воли, решительность молодого энтузиаста, заряженного идеями высокой миссии, его способность принять на себя ответственность за дело и, главное, за будущее поселенцев.

Для выделения особой значимости освоения острова героем Ушаковым и поселенцами, своеобразного подведения итогов достижений в исследовании Арктики использована чукотским писателем большая по объему цитата в эпилоге романа. Перед читателем предстает сохранившееся письмо покорителя Арктики одному из первых переселенцев острова Врангеля Нанауну, переписку с которым полярный исследователь вел много лет. Это письмо и свою новую книгу о Северной Земле, освоению и исследованию которой он посвятил ряд лет, Ушаков передал через знакомого, отправлявшегося на остров Врангеля. Письмо проникнуто светлыми воспоминаниями о совместных годах покорения нехоженой земли, надеждами на продолжение достигнутого новым поколением. «Жизнь – и моя, и твоя – прошла в борьбе за Арктику, и мне кажется, что оба мы можем быть довольны результатами, так как трудились честно и делали все, что могли» [2, с. 302].

Чукотский писатель в романе активно использовал и одну из самых не столь очевидных форм интертекстуальности – реминисценцию, о которой В. Г. Хализев писал при определении, что это «образы литературы в литературе» [6, с. 75]. Реминисценцию, в отличие от цитаты, бывает сложно уловить, чтобы сопоставить, поскольку она не буквальное воспроизведение, а зачастую невольно или намеренно возникшие воспоминания о другом произведении. В число реминисценций можно отнести присутствующие в экспозиции романа размышления Иерока, имеющего прототип с именем Йерок в книге-путешествии Ушакова. Герой романа вспоминает о присутствующем в древних преданиях, рассказах, быличках волшебном острове, затерянном в лабиринте ледяных гор, где для охотников много добычи, способной спасти от голодных зим. «Сказка или быль?» – сомневается Йерок. Возникновение этих мыслей героя как результат влияния народных легенд можно ассоциировать с присутствующим в экспозиции

путешествия Ушакова текстом. Исследователь писал о появлении на карте Сибири нового острова: «9 марта 1823 года русский путешественник лейтенант флота Фердинанд Петрович Врангель, сидя в дымной палатке на мысе Шелагском, угощал одного из чукотских старшин-камакаев, а заодно расспрашивал его о том, не существует ли какой-нибудь земли к северу от чукотских берегов. Камакай – хороший знаток своего края – ответил ему: «Между мысами Езрри (Шелагским. – Г. У.) и Ир-Капио (Шмидта. – Г.У.) близ устья одной речки с невысоких прибрежных скал в ясные дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы; зимой, однако ж, их не видно. В прежние годы приходили с моря – вероятно, оттуда – «большие стада оленей, но, преследуемые чукчами и истребляемые волками, теперь они не показываются» [1, с. 7]. Врангель принял сказанное на основе предположений, не сомневаясь в действительном существовании острова, внес его на карту, приложенную к отчету об экспедиции, что позволило последующим путешественникам найти его.

В качестве реминисценции, точнее даже аллюзии, можно рассматривать появление у авторов обеих книг размышлений о волшебном острове в экспозиции романа и в предисловии книги-путешествия как результат воздействия научных материалов и художественных произведений Владимира Богораз-Тана (1865–1936), с которыми и Ушаков, и Рытхэу были знакомы, поскольку тщательно изучали немногочисленные материалы о жизни и исследователях края. Фольклорист и языковед, участник этнографических экспедиций по изучению народов северо-востока России, автор монографии «Чукчи» Богораз-Тан был создателем ряда поэтических и прозаических произведений, в числе которых рассказы и повести «Восемь племен», «Воскресшее племя», цикл стихов под названием «Из поездки по тундре» [7]. В одном из его стихотворений присутствует художественно выраженное предсказание о нехоженных землях, возможных островах вблизи полюса, сделанное не без влияния фольклора и пытливых бесед с местными жителями.

Описание научной экспедиции Ушаковым, ее подготовки представлено в книге-путешествии, как было нами отмечено, в согласии с его записями хронологически, оно также было дополнено историко-культурными отступлениями, в число которых вошли обретенные во время экспедиции знания о традициях и обычаях из жизни эскимосов. В тексте романа Рытхэу нашли свое место элементы герменевтики этого исторически значимого события, отражен и поток сознания внутренней жизни автора книги «Остров метелей». Они также стали компонентой оригинально разработанной чукотским писателем фабулы и композиционно организованного сюжета. Создавая систему художественных образов, чукотский писатель в ходе развития сюжета своего произведения нередко опирался, трансформируя, на отдельные реальные события из книги-путешествия.

Проявлено и обосновано влияние на творческий процесс Рытхэу и научные изыскания Ушакова повести «Дерсу Узала» известного исследователя Уссурийского края Арсеньева, который стал для Ушакова вдохновителем и наставником еще в его подростковом возрасте.

Интертекстуальность в романе стала составляющей, способствующей развитию диалогизма, соединяющего автора, героев и читателя. О таком виде связи М. Бахтин писал: «живое высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи диалогических нитей, сотканных социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета в высказывания» [5, с. 90].

В ходе исследования осуществлялся также поиск ответа на вопрос: «В какой степени нашел свое отражение в романе заложенный издревле и активно сохранявшийся в сознании и бытии эскимосского и чукотского народов и

в XX веке мифологизм мышления?». Естественным стало в связи с поиском ответа на данный вопрос обращение к художественному сознанию автора и мировидению героев. Мифологизм мышления чукотского писателя активизирован бытованием и воспитанием в детские годы, однако в годы обучения вдали от родного Уэлена осуществлялось формирование иных представлений о мире, отразившееся позднее и на творчестве, был даже период демифологизации, отказа от чукотских мифов и последующее признание в печати ошибочным этого мыследействия. В романе «Остров надежд» мифологизм присутствует как в открытом, так и закодированном виде. Определение значимости и роли присутствующего в произведении фольклора и раскодирование скрытых смыслов решались в ряду основных задач при поддержке означенных выше подходов.

Обращение в ходе работы к эпическим и сказочным представлениям разных народов о значимых в их бытии персонажах подтвердило мысль о том, что созданные Юрием Рытхэу образы Иерока и Ушакова можно ассоциативно соотнести с мифологическими культурными героями. Исходя из того, что настоящее или недалекое прошедшее осмысливается лишь благодаря нравственным ценностям, проверенным богатым опытом тысячелетий, чукотский писатель в своем творчестве не раз обращался к созданию на основе мифов, их трансформации, образов героев, близких к идеальным, которые издревле упорядочивали повседневную жизнь людей, структурируя их восприятие, мышление и действия. Он наделял их смиренной мудростью, почитанием предков, неколебимым желанием сохранения проверенных жизнью обычаев и традиций, поиском возможностей вписаться в новую жизнь. Так, в повести «Полярный круг» (1977) представлен в качестве восприимчивого эскимосских мифологических и эпических культурных героев науканский певец и сказочник, танцор и морской охотник Нутетеин. Жители Наукана называли его Умилгу Нунагым (*эским.* глава селения). Персонаж Иерок в «Острове надежды» стал своеобразным продолжателем дел и поступков этого героя. Подобно Нутетеину, он был в прибрежном селении и стал на острове Умилгу Нунагым. Уже на корабле он готовил себя к духовному наставничеству будущих поселенцев, используя традиционные для культуры народа приемы. Он решил подготовить пребывающих в тревоге и даже страхе от неизвестного очень удаленного от материка острова проявить глубоко спрятанные эмоции в песнях и танцах, отражающих проблему дня. Иерок сочинил песню и мысленно представил два танца: танец Прощания и танец Надежды. Во время этого творческого процесса его тело, тонко ощущающее ритмы природы и ее звуки, «мысленно повторяло движения в такт звучащему в его ушах звуку» [2, с. 48]. Иерок намеревался при поддержке других первых поселенцев исполнить танцы на берегу острова. В словах и мелодии песни, в движениях танца, которому он, уже будучи на острове в своей яранге, обучал мужчин и дочь, отражалась реальная жизнь. В них звучало поддерживающее дух первых поселенцев одобрение переезда на новую землю и восхваление ее словами о том, что именно этот остров надежды снился и являлся в мечтах. Карнавальное действо, традиционный праздник, Иерок считал важным и убеждал Ушакова: «Когда наши песни зазвучат над островом, только тогда мы почувствуем, что по-настоящему дома» [2, с. 75].

В экспозиции романа Иерок представлен и как обладающий мистическими загадочными способностями шаман, и как проявляющий неустанно заботу о жителях Урилыка, а позднее – острова, наставник и руководитель, которого эскимосы называли умилыком. В книге Ушакова дано в сноске сделанное историком Вдовиным расширенное толкование эскимосского слова «умилык» – это и силач, и хозяин, это и глава семейно-патриархальной общины, байдарной «артели», это и наиболее добычливый, ловкий охотник, организатор охоты на

крупных морских зверей – моржей, китов. В прошлом от него зависело и распределение продуктов промысла, он же, как правило, следил и за соблюдением религиозных ритуалов. Такое положение «умилыка» среди жителей поселка порождало естественную зависимость от него остальных членов общин. Равнозначного же по своему содержанию русскому слову «начальник» в эскимосском языке нет [1].

Значимое для окружающих имя-звание умилык получил и Ушаков из уст Иерока, определившего по делам и поведению молодого руководителя экспедиции его возможности и способность руководить. Вслед за Иероком поселенцы стали называть его «русский умилык». О значимости для эскимосов мнения Иерока Ушаков узнал при подготовке экспедиции. Эскимосский умилык пришел на корабль «Ставрополь» и порадовал молодого начальника сообщением о согласии его и ряда уназикских семей стать переселенцами на остров. Он объяснил, что, предварительно посоветовавшись с давно ушедшими предками, предложил своим односельчанам верить русскому умилыку. Так он оценил поведение Ушакова при первой встрече с ним, когда тот удержал его от совершения дурного поступка. Иерок стал надежным помощником для руководителя экспедиции на острове, выполняя негласно роль умилыка для основной части поселенцев. Не случайно писатель с первых страниц подчеркивает его знания и умения, обретенные во время временной работы на кораблях и поездок в чужие края – строить мореходные байдары, плавать под парусами, изготавливать-строить теплое и надежное жилище с помощью тонкого тундрового дерна, китовых костей и моржовой кожи. Выделяет писатель его способность и желание лечить людей, а также ездовых собак.

Раскрывая значение слова «умилык», Рытхэу периодически уточнял, почему все эскимосы признают Иерока умилыком. Читатель постепенно узнает, что он не просто искусный охотник, который, сидя на корме своей небольшой байдары, возглавляет погоню за моржом, а наследник предков, владеющий способностью общаться с Неведомыми силами, распоряжающимися природой и животным миром. Его ценили также за то, что он был знатоком и хранителем эскимосского фольклора и традиций. Ушакова же удивляли не только опыт, мудрость и сноровка Иерока, но и его предвидение событий, предсказания: когда нужно выходить в море, как загарпунить моржа и кита, добыть в мороз нерпу. По его мнению, все это – результат способности эскимосского умилыка хранить в памяти сведения и приметы, полученные от предков.

О мифологическом «эталонном» (М. Элиаде) воображении Иерока свидетельствуют и советы его, и поступки, способствовавшие выживанию формировавшегося коллектива переселенцев. Он был уверен в своей миссии умилыка, полученной от Небесных сил. Поддерживая Ушакова, советовал, приняв решение о переселении и получив доверие людей, быть твердым и смелым, отбросить сомнения: «Только так можно выжить. Если бы не было людей, которые способны принимать решения, брать на себя ответственность, нас бы давно не было» [1, с. 97].

Ушаков, уже знавший значение слова «умилык» от русского участника экспедиции Павлова, работавшего несколько лет в Урилыке учителем и владевшего эскимосским языком, подобрал для перевода по отношению к себе старое русское слово «кормчий». Именно таковым молодой герой был для первых поселенцев острова в течение трех лет, не только благодаря привезенным на корабле продуктовым и другим жизнеобеспечивающим запасам, но и постоянной заботе о традиционном питании и собственном участии в охотничьем промысле. Герой Ушаков, как и его прототип, испытывают истинную радость и получают удовлетворение от действенного движения к желаемой цели, воплощению гуманной идеи и заботы об Отечестве. Глубинно значимым для жизненного

кредо «русского улылика» могли бы стать слова Л. Н. Толстого «Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека – быть полезным и иметь спокойную совесть» [8, с. 192]. Можно предположить, что, добиваясь исполнения этих двух обеспечивающих счастье желаний, герой обретал жизненные силы, спокойствие и уверенность в правильности всех своих действий, упорно искал и находил, постигая культуру северного народа, эффективные для обеспечения бесконфликтного расселения и обживания суровой территории приемы общения, предугадывая заранее возможные реакции окружающих, применял различные стратегии поведения в затруднительных ситуациях, связанных зачастую с этническим мировоззрением, своеобразными для него и некоторых других представителей русского народа эскимосскими традициями, обычаями и ритуалами.

Оба улылика в романе внимательны к мнению друг друга, стараются не уронить авторитет перед поселенцами, приходят на помощь и в «скользкой» ситуации. Их объединяет развитое у них дивергентное мышление, которое отличается от широко распространенного конвергентного в первую очередь тем, что направлено на поиск несколько одинаково правильных ответов на одну и ту же задачу, превалирует у них и стремление искать творческое, нестандартное решение. При конвергентном же способе мыслить человек обычно сосредоточен на действии по определенному алгоритму. Обычно человек не свободен от стереотипов, боится нового и неизвестного. Умеющий мыслить дивергентно способен создавать, а не копировать, опираясь лишь на чье-то мнение.

Два героя, хотя и близки по устремленности к организации коллектива и улучшению его бытования, преодолению хаоса, отличаются разнонаправленностью логики поиска путей решения задач, возложенных на них не без их собственного желания. Ушаков заряжен идеями ответственности за страну, задачами построения нового, неизвестного, но более справедливого, по его убеждению, общества и осуществляет их при поддержке средств, выделенных государством. Иерок же ищет опору и поддержку у Неведомых сил, у предков, верит в традиционные обряды и ритуалы, удерживающие хаос и способствующие самостоятельному обретению жизнеобеспечения в суровых северных условиях.

Нарратив романа наполнен дискуссиями, сомнениями о позитивных и не очень явлениях в новом и старом образе жизни, а также описанием сложных, порой конфликтных ситуаций, вызванных не только отсутствием или слабым знанием языков общения, но и расхождениями в языке культур, приводящими героев к душевными волнениям и даже дистрессу.

Для Ушакова эскимосские и чукотские традиции, ритуалы, обычаи были идейно неприемлемы, но он относился к их соблюдению с пониманием того, что поскольку им следовали народы издревле, быстрое искоренение их без психологических травм невозможно. Для Иерока они не только укоренены в его сознании, но и закреплены практикой, непоколебимы, не могут быть изменены. Ушаков выстраивает свое отношение с инокультурными поселенцами, подключая чувство эмпатии, стремясь не просто понять их поведение, но и, судя по его внутренней речи, ощутить испытываемые ими чувства. При этом он периодически ведет внутреннюю борьбу с Я-другим, пытаясь убедить себя в необходимости постоянного поиска компромисса, чтобы не допустить конфликтов, а также найти правильный выход из конкретных конфликтных ситуаций. Выработать твердую позицию, убедительную не только внутренне, но и внешне, помогает молодому руководителю стремление формировать себя извне, желание стать выше своей жизни в ее целом, воспринять ее как жизнь другого человека, которого он именует согласно заданным утопическими идеями большевиком.

Представляется, что, актуализируя в образах связанные с традиционными обрядами и обычаями известные и скрытые смыслы, Рытхэу нередко излагал их в произведениях предположительно и дискурсивно, стремясь и сам разгадать их мифологическую основу, поскольку они недостаточно изучены. Философия, теория познания, тайны религии были в постоянном кругу интересов писателя, о чем известно как из общения современников с писателем, интервью с ним, так и из подбора (каталога) книг личной библиотеки, где значительную часть составляли философские труды, работы не только критиков, литературоведов, фольклористов, но и психологов, а на рабочем столе постоянной жительницей была Библия.

Создавая выразительные образы двух умильников, наполненные чертами культурного мифологического героя русского и эскимосского народов, Рытхэу, естественно, сознательно и бессознательно воплощал освоенные мифологические символы и верования своего чукотского народа. В значительной степени раскрытие осуществлено благодаря как скрытому присутствию образа автора, так и созданию образа чукотского оленевода Апара, отличающегося твердостью и выдержкой характера, неожиданной и непоколебимой решительностью. Этот герой, безропотно перенося все сложности периода отработки за невесту-эскимоску, во время которого он был человеком «без голоса», упорно под зоркими взглядами окружающих овладел умением охотника-зверобоя. Создав семью, Апар приобщался к традициям эскимосов и русских, но не забывал и чукотские ритуалы, о чем ярко свидетельствует картина встречи вместе с новорожденным сыном первых лучей солнца после полярной ночи. Будучи потомственным оленеводом, Апар после переселения на остров периодически возвращался к проблеме развития здесь оленеводства. По его мнению, препятствием может стать только невозможность купить оленей, поскольку это запрещено чукотскими традициями, нарушение которых может привлечь болезни. Но его надежды укрепились после слов Ушакова о том, что можно, взяв на материке часть стада, просто перегнать, вообразив перекочевку. Апар обладал особой зоркостью и постоянно сравнивал оленеводов и прибрежных жителей. По его мнению, оленные чукчи являются более «быстрыми на подъем», отправляются в дорогу, «хорошо поразмыслив», во время перекочевки проявляют особое внимание к выбранной дороге, знают каждую прошлогоднюю кочку, все берега озер и речек, пригорки и склоны.

Активно используемые в романе «Остров надежды» художественные приемы диалогизации (внешней и внутренней), сопоставления, приобщения читателя к различным языкам культур (рецепции) постепенно высвечивали национальные миры и, соответственно, авторские представления о них.

Внутренние диалоги русского умилька наполнены размышлениями как о своеобразии традиций и ритуалов, так и о казавшейся ему неадекватной реакции и Иерока, и других героев на некоторые слова и действия окружающих. Для Ушакова было непонятным, например, почему эскимосы, признавая шаманские способности Иерока, доверяя его врачеванию, его советам и конкретным указаниям, периодически позволяли себе открытые насмешки над ним, иронические замечания. Станным было и то, что Иерок не только терпеливо воспринимал их, но иногда и сам позволял посмеиваться над своими словами и действиями.

Присутствующий в эскимосских и чукотских мифах и сказках архетипический образ трикстера не был знаком русскому умильку, естественно непонятна и его трансформирующая энергия. Писатель заостряет внимание на мифологическом образе трикстера, вероятно потому, что для него он был сакральным и неразгаданным. Об этом он писал в своей последней книге «Дорожный лексикон», где обозначил присутствовавшее издревле в культуре поведения эскимосов и чукчей

обращение к приемам трикстера как желание снять страх перед необычными и необъяснимыми жизненными обстоятельствами или перед таинственными способностями кого-то, утвердиться в собственной силе и обрести уверенность. Об этой стратегии как карнавальной, глубоко укоренившейся в культурах разных народов, писал М. Бахтин [9].

Создавая образы главных героев на сопоставлении их мировоззренческих представлений, автор постепенно знакомил читателя с разнообразием традиций, раскрывая их специфику. Так, поклонение предкам, обращение к ним за поддержкой, как отмечалось, было свойственно Иероку. Обращается в сложные жизненные моменты к воспоминаниям о родителях и Ушаков. Своеобразным знаком-символом обретения связи стала для него подаренная отцом книга с поэмой Пушкина «Руслан и Людмила». Хотя он знал поэму наизусть, беря в руки потрепанный томик, он ощущал магическую поддержку, прилив сил. В детстве ее читал отец, зародив смутную мечту об увлекательных путешествиях и желание самому научиться читать. Позднее отец учил мальчика таинству знаков по ней же, используя вместо отсутствовавшего букваря. Обращаясь к книге, он не только вспоминал своих предков, родную дальневосточную таежную деревню, но и связывал свою судьбу с воздействием на ее развитие героев поэмы. В частности, предполагал влияние Черномора, задавая себе мистический вопрос: не он ли водит его своей бородой по затерянным снежным просторам, по этому хрупкому убежищу человека.

Обследывая остров и составляя его карту, Ушаков ездил на собачьих упряжках обычно в сопровождении одного или нескольких человек, но однажды решил испытать и прочувствовать на себе одиночество арктической пустыни, о котором читал в книгах полярных путешественников. Представленное автором описание психологического восприятия героем окружающих скал, гротов и пещер, забитых льдом, пугающей, почти материальной зимней тишины, старающейся прижать человека ко льду – свидетельство обретенного им собственного опыта в сочетании с записями из книги Ушакова «Остров метелей». В памяти героя романа возникал даже вездесущий эскимосский Тугныгак, которого так боялись переселенцы. Он пытался вернуть себя в реальную действительность мыслями о присутствии на острове людей, хоть и в значительном отдалении, а отчаяние арктических путешественников, описанное в книгах, их тоску и безысходность объяснить тем, что эти люди чувствовали себя покинутыми, забытыми, разочарованными в собственных силах, обманутыми в своих надеждах и ожиданиях. У него же, по его мнению, не должно быть этих чувств, поскольку его ждет нужная людям и стране работа. Идея важности выполняемого дела поддерживала и не давала впасть в отчаяние. Мысли о светлом будущем жизни людей на острове придавали силы, успокаивали, укрепляли дух. Возможно, ответственность русского улылика, воспринятая под воздействием убедительного примера Иерока, также оказала психологическое воздействие на подъем энергии.

Повышенная активность следования традициям не всегда оказывала позитивное воздействие на человека и приводила порой к дистрессу и принятию деструктивных решений о добровольном уходе из жизни, жертвоприношении. Во время непривычной для всех поселенцев, даже для прибрежных северных жителей эскимосов и чукчей, долгой полярной ночи, когда солнце отсутствовало в течение ста дней, некоторые из них заболели цингой. Иерок стал винить себя за то, что не предусмотрел значительно большей добычи и заготовки на зиму копальхена – квашеного мяса моржа и съедобных трав и корней. В его душе поселилась неумная тревога из-за того, что именно он уговорил жителей Урилыка покинуть родные места, где их охраняли уже известные и «прикормленные»

принесением жертв духи. По его мнению, духи острова не откликнулись на его угощения и заклинания, требуя большей жертвы. И однажды он предложил Неведомым силам во время ночных заклинаний на морозе, будучи полностью раздетым, под звуки бубна взять в жертву себя. Когда же он вернулся в ярангу, то, по мнению дочери, от него повеяло таким холодом, словно в жилище вошел не живой человек, а ледяная глыба. Заболев после этой ночи, Иерок сознательно отказывался от помощи, и психологический дистресс разрушил его ослабевший организм.

Неразгаданная суть трансцендентного в материальной и духовной жизни как чукотского, так и эскимосского народов была в круге внимания Рытхэу в течение всего творческого пути и стала составляющей во многих произведениях. Несмотря на необходимость следования идеологическим установкам о внедрении атеизма, писатель описал их верования в Неведомые силы и в романе «Остров надежды», не представлял в негативном облике шаманов и их удивляющие главного героя Ушакова сверхчеловеческие способности. В процессе жизнеустройства переселенцев молодой русский умильк активно использует поддержку владеющих таинственными возможностями шаманов, в числе которых в первой половине произведения был Иерок, а после его ухода – Аналько. Оба проводили обряды жертвоприношения местным духам, стремясь обеспечить безопасность и здоровье переселенцев, а также удачную охоту. Их слова и действия влияли на всех успокаивающе, изгоняли страх перед новым незнакомым пространством. В ситуации переселения на север острова семьи Аналько Ушаков даже использовал похвалу возможностям шамана договариваться с духами незнакомых мест, но при этом в процессе беседы осторожно изложил свойственную материалистам «правильную» точку зрения: умные и уверенные в себе люди могут не бояться Неведомых сил, потому что они сильнее их.

Заключение

Используемая Юрием Рытхэу в романе «Остров надежды» внешняя и внутренняя интертекстуальность как принцип диалогизма содержит ссылку автора на произведение-путешествие с документальными записями Георгия Ушакова «Остров метелей», что активизирует достоверность художественного текста и его значимость и позволяет назвать его историческим романом.

Интертекстуальность отразилась на построении и смыслообразовании текста, оказала влияние на создание образной системы, способствовала генерированию новых смыслов.

Осознанное и бессознательное использование Рытхэу различных интертекстуальных форм – цитаты, реминисценции, аллюзии и др. – стали своеобразной новиной (залогом) самовозрастания смысла текста. Представлена «оживленная» картина, история одного из подвигов освоения Арктики, в котором участвовали разные народы России, в том числе коренные жители Севера.

Используя такие принципы исторической поэтики как историзм, сравнительный метод, определение роли и границ мифов и фольклора в процессе личного творчества, удалось проявить роль и значимость этнотрадиций, специфику национального характера.

В романе в динамике взаимодействия предстал читателю многоликий поликультурный мир своеобразного поселения на «нехоженой земле». Образная система выстроена с явным стремлением автора объективно и позитивно представить эскимосский, чукотский и русский миры, волю и стремление трех народов бороться и искать пути одоления природных катаклизмов, их умение выживать во взаимодействии, их мужество быть. Просматривается мысль автора о том, что традиции, обычаи, ритуалы – не пережиток прошлого, как

следовало бы представить согласно идейным установкам, а таинственные законы эволюции. Рыхтхэу словами героев пытается объяснить присутствие в романе осуждаемых в духе времени ритуалов и верований необходимостью отразить историческую реальность.

В ходе исследования образной системы раскрыта многогранность художественного концепта «культурный герой». Имеющий мифологическую основу, заложивший ядро моральных постулатов, этот персонаж, трансформируясь этнически, не теряет значимости и в современном мире, благотворно воздействуя сначала на слушателя в период отсутствия письменности, позднее – и на читателя, становясь образцом для самоорганизации и поступка [10]. В романе представлены достойные этого звания герои XX века из числа русского, чукотского и эскимосского народов.

В процессе создания образной системы в романе предстала как особый тип пограничного мышления, именуемый транскulturацией, включающей переосмысление новых знаний и опыта бытования, обнаруживающий сходство и различие в жизни человеческого Духа.

В процессе обсуждения материала проведенного исследования отмечена новизна подходов и полученных результатов, актуальных для повышения когнитивного уровня литературоведения, его значимости в изучении эволюционных процессов.

Л и т е р а т у р а

1. Ушаков Г.А. *Остров метелей*. Ленинград: Гидрологическое изд-во; 1972:176.
2. Рыхтхэу Ю.С. *Остров надежды*. Москва: Современник; 1987:304.
3. Рыхтхэу Ю.С. Ирвытыр или Повесть-путешествие по времени и пространству Берингова пролива. *Нева*. 1980;(5).
4. Жулева А.С. Эскимосские герои в повести чукотского писателя. Три мира народов Севера. *Литературные образы*. Москва: Филинь; 2020:394.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. *Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975:504.
6. Хализев В.Г. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа; 2000:405.
7. Богораз-Тан В.Г. Из поездки по тундре. Северное притяжение. *Стихи поэтов Северо-Востока*. Магадан: Книжное изд-во; 1982:319.
8. Толстой Л.Н. *Познаем самих себя*. Сборник афоризмов. Ташкент: Фирма «Фонд»-ИПК «Шарк»; 1994:317.
9. Бахтин М.М. *К философии поступка*. Собрание сочинений, в 7 т. Т.1. Москва: Русское слово; 2003:7-68.
10. Хазанкович Ю.Г. *Эпические традиции в прозе малочисленных народов Арктики*. Москва: Флинта; 2019:417.

References

1. Ushakov GA. *The Island of Snowstorms*. Leningrad: Gidrometeoizdat; 1972:176 (in Russian).
2. Rytkheu YuS. *Island of hope*. Moscow: Sovremennik; 1987:304 (in Russian).
3. Rytkheu YuS. Irvytyr, or A Tale-journey through time and space in the Bering Strait. *Neva*. 1980;(5) (in Russian).
4. Zhuleva AS. Eskimo heroes in the novel of a Chukchi writer. Three Worlds of the Peoples of the North. *Literary images*. Moscow: Publ. House "Filin"; 2020:394 (in Russian).
5. Bahtin MM. Questions of literature and aesthetics. *Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975:504 (in Russian).
6. Halizev VG. *Theory of literature*. Moscow: Publishing House "Vyshaya shkola"; 2000:405 (in Russian).

7. Bogoraz-Tan VG. From a trip through the tundra. In: Severnoye prityazheniye. Poems by poets of the North-East. Magadan: Book Publ. House; 1982:319 (in Russian).

8. Tolstoy LN. *Know thyself*. Collection of aphorisms. Tashkent: Firma “Fond”-IPK “Shark”; 1994:317 (in Russian).

9. Bakhtin MM. *Toward philosophy of the act*. Collected works: in 7 volumes. V.1. Moscow: Publ. House “Russkoye slovo”; 2003:7-68 (in Russian).

10. Khazankovich YuG. *Epic traditions in the prose of indigenous peoples of the Arctic*. Moscow: Flinta; 2019:417 (in Russian).

Сведения об авторе

ЖУЛЕВА Альбина Сергеевна – к. пед. н., с. н. с. отдела литератур народов России, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7734-5187, e-mail: aszhuleva@mail.ru

About the author

Albina S. ZHULEVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7734-5187, e-mail: aszhuleva@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 13.03.25

Принята к публикации / Accepted 10.04.25